

Глава 1

Поднявшись наверх, я тут же застегнул куртку до самого ворота. День обещал быть солнечным, но осень в Страсбург уже пришла — и явно собиралась задержаться надолго. Ветер пробирал до самых костей, а укрыться здесь было негде.

Впрочем, я и не собирался. Раннее утро, еще до рассвета. Верхняя смотровая площадка собора, под самым шпилем. Пожалуй, единственное время и место, где я мог остаться наедине с самим собой. Не раздавать приказы, перебирать бумаги или прирастать ухом к телефонной трубке — а просто подумать... или не думать вообще, а просто побыть в тишине, возвышаясь над городом вместе с сонными гаргульями — когтистыми чудищами, застывшими на фасаде прямо под каменным ограждением.

Пожалуй, самая подходящая компания для оказавшегося вдали от дома русского — сдержанная, суровая и не признающая местного певучего наречия... впрочем, как и любого другого. За последние дни я успел по-своему привязаться к когтистым уродцам. И иногда мне даже казалось, что это взаимно: гаргульи охраняли собор уже сотни лет, а теперь еще и приглядывали в мое отсутствие за целым городом — и за тем, что творилось по ту сторону Рейна. Конечно, они никак не реагировали на мое появление здесь, наверху.

Зато и не лезли с советами.

— Доброго утра, князь.

Мое молчаливое уединение закончилось, не начавшись: в проеме двери, ведущей на лестницу, появилась могучая фигура Оболенского. Шагнув на крышу, он тут же запахнул расстегнутый плащ, поднял ворот и будто бы даже чуть втянул голову в плечи — но тут же расслабился. Одаренные такого ранга редко страдают от холода, да и вряд ли местный климат мог хоть чем-то удивить того, кто родился в Петербурге.

— Любуетесь? — Оболенский улыбнулся и шагнул вперед. — Думаю, приятно видеть результаты своего труда.

— Нашего труда, — отозвался я. — Без вас и эльзасских егерей я едва ли смог бы сделать хоть что-то... не говоря уже о своевременном вмешательстве его величества императора Жозефа.

Оболенский не ответил, однако, судя по неровной ухмылке, остроу явно понял. В самом деле — настоящая помощь из Франции так и не пришла. Осторожный потомок Наполеона Бонапарта уже принял вассальную клятву герцогини, щедро давал обещания... вот только не слишком-то спешил их выполнять. Отправил пару грузовиков с винтовками и патронами, несколько пушек с десятком снарядов на каждую и роту солдат для охраны резиденции. Среди эльзасских ополченцев начали мелькать золоченые офицерские погоны, в городе невесть откуда появилась целая стая шпиков в штатском — но на этом поддержка парижского двора пока что и закончилась.

Впрочем, я не слишком волновался: мои люди уже успели взорвать все крупные мосты через Рейн, кро-

ме того, что вел с противоположного берега прямо в Страсбург и круглосуточно находился под прицелом орудий панцеров. Немецкие солдаты сдались сразу после нашей с Жан-Полем лихой гонки до дворца Рогана, так что теперь освободительная армия не испытывали недостатка ни в оружии, ни в боеприпасах. У нас было достаточно времени укрепить город — и мы потратили его с пользой, превратив набережную на востоке чуть ли не в цитадель.

— Какие-нибудь вести, князь? — поинтересовался я. — В последние дни мне не хватает времени даже почитать газеты.

— Ничего нового, друг мой, — пожал плечами Оболенский. — Османы стянули войска и фактически уже готовы идти на Балканы и оттяпать свой кусок пирога. Нидерланды и Дания настолько упорно заявляют о своем нейтралитете, что самое время в этом усомниться... А британский монарх загадочно молчит — как и всегда.

— Действительно — ничего нового, — усмехнулся я. — У Британии сильный флот и хорошая возможность атаковать северное побережье Германии с моря... Настолько хорошая, что король Георг наверняка воспользуется ею, как только это станет выгодно. Не знаю, кого его величество Павел послал в Лондон, но они заключат союз. Сейчас или чуть позже — не имеет значения.

— Полагаю, вы правы. — В голосе Оболенского слышалось плохо скрываемое недовольство. — Будет обидно, если после всего мои коллеги при дворе Георга управятся быстрее нас... Вы собираетесь надавить на Жозефа?

— Собираюсь. — Я развел руками. — И непременно надавлю, конечно же. Но такую глыбу не так уж просто сдвинуть — во всяком случае сейчас. Для этого нужно по меньшей мере нападение на Страсбург или появление армии рейха на северных границах Лотарингии.

— В этом случае Жозефу придется защищать уже собственные земли, — кивнул Оболенский. — Или парижская знать сожрет его с потрохами.

— Именно. Но Каприви по каким-то причинам не спешит отправлять сюда войска. — Я развернулся и неторопливо зашагал к краю площадки. — Что странно уже само по себе. Вряд ли у герра канцлера не осталось боеспособных армейских частей в Штутгарте, Франкфурте, Кельне или еще где-нибудь поблизости.

— Патовый расклад, — проворчал Оболенский. — Боюсь, любые уговоры тут бессильны — и если Каприви не начнет действовать, это может длиться сколько угодно.

— Что ж... Ведь и мы можем извлечь из этого свою выгоду.

Я облокотился на каменное ограждение и посмотрел вниз. Город уже понемногу просыпался: на площади мелькали крохотные человеческие фигурки, неторопливо катился куда-то военный грузовик — то ли очередная подачка от Жозефа, то ли просто развозка: у дворца Рогана в это время как раз сменялся караул. Страсбург жил своей жизнью, понемногу привыкая к новым хозяевам. А моя работа здесь, похоже, закончилась...

Хоть и была сделана едва ли наполовину.

— Нам нужны новые союзники, — продолжил я. — Или хоть какие-то гарантии, что нас не ударят с юга. Полагаю, кому-то следует посетить западные кантоны Швейцарии. И, разумеется, нанести визит папе римскому. У Италии сейчас достаточно собственных проблем, но слово понтифика все еще много значит для всей Европы. И заручиться его поддержкой от имени герцогини определенно не будет лишним.

— Вот как? — отозвался Оболенский. — Собираетесь наведаться в Ватикан, князь?

— Нет, — покачал я головой. — Признаться, я хотел попросить об этом вас, друг мой. Для таких дел нужен человек с богатым опытом... и постарше. Вряд ли папа будет в восторге, если к нему заявится семнадцатилетний юнец.

— Этот юнец уже изменил политическую карту Европы. — Оболенский встал со мной рядом и тоже пристроил локти на ограждение. — И, подозреваю, еще не раз изменит. Вы куда более достойный кандидат, чем любой другой. Но, разумеется, я готов хоть завтра отправиться в путь — если пожелаете.

— Не знаю, вправе ли я требовать от вас хоть что-то. В конце концов, мои полномочия распространяются лишь на переговоры с Жозефом Бонапартом, а парижское посольство подчиняется императору Павлу... и вам, конечно же, — но никак не мне.

— Его величество распорядился оказывать вам любое посильное содействие, — усмехнулся Оболенский. — Петербург далеко, но оттуда пристально следят за вашими успехами.

— Если это можно назвать успехами. — Я поправил ворот куртки. — Тайный сговор с герцогиней, ос-

вободительная армия, захват Лотарингии и Эльзаса, сомнительные беседы с Жозефом Бонапартом и как итог — бестолковое топтание на берегу Рейна... Не очень-то похоже на блестящую дипломатию.

На мгновение показалось, что одна из гаргулий внизу даже чуть повернула голову — настолько понимающе-тоскливый у нее был взгляд. Резные уродцы молчали, но наверняка сопереживали мне со всей искренностью, на которую были способны их каменные сердца. Сотни лет назад им досталась нелегкая работа отпугивать чертей от Страсбургского собора — день и ночь, без выходных или отпусков... зато у них имелись крылья, чтобы — если уж совсем прижмет или просто надоест сидеть не месте — взмыть в ночное небо и улететь куда глаза глядят.

А у меня крыльев не было.

— Не похоже на дипломатию? Может, и так. — Оболенский негромко рассмеялся. — Когда мы в первый раз встретились, я и сам был убежден, что ваши методы невысказаны и даже вредны. Но вы уже не раз доказали обратное. Талант, решительность, напор и умение действовать без оглядки на высшие чины — то, что порой дает куда большие плоды, чем пустые уговоры... В конце концов, именно такой человек сейчас и нужен России — здесь и сейчас. — Оболенский опустил мне на плечо тяжелую ручищу. — Дома вас считают героем, друг мой. И пусть болтуны из Государственного совета то и дело ворчат, что некоторые ваши поступки легкомысленны и опасны, император всё так же доверяет вам. И всё так же позволяет принимать любые решения — полностью на ваше усмотрение.

— За которые меня однажды повесят, — хмыкнул я. — Впрочем, вы правы, друг мой: сейчас уж точно не следует предаваться унынию или забивать голову сомнениями. Мы уже начали эту работу — и доведем ее до конца, чего бы это ни стоило.

— Поддерживаю вас целиком и полностью. — Оболенский чуть склонил голову. — И именно поэтому не могу не поинтересоваться: а что собираетесь делать вы, когда я отправлюсь в Ватикан?.. Снова навестите императора Жозефа?

— Нет. Оставим эту работу вашим людям. — Я легонько оттолкнулся ладонями от холодного камня и развернулся. — Я собираюсь, наконец, выяснить, откуда растут ноги военного могущества германской армии. И положить ему конец — если получится.

— Ого... Амбициозные планы. — Оболенский торопливо зашагал за мной следом. — Но, боюсь, вас ждет разочарование, князь: никакой тайны здесь нет. На территории рейха сотни заводов, и чуть ли не каждый из них сейчас завален оборонными заказами. Оружие, танки, самолеты... Броненосные крейсера, в конце концов.

— Опасные игрушки, — признал я. — Очень опасные и мощные. Вот только настоящее преимущество в войне канцлеру дают «глушилки» — подавители родового Дара... Впрочем, это вы, полагаю, знаете и без меня.

— Увы. — Оболенский протяжно вздохнул. — Лучшие умы России не знают, как бороться с этой напастью. К счастью, заводы есть и у нас. Мне приходилось слышать, что ваш род владеет...

ВАЛЕРИЙ ПЫЛАЕВ

— У заводов и армии достаточно работы. — Я направился к лестнице. — А я займусь своей. Мы уже давно знаем, что в производстве «глушилок» замешаны оружейные компании и что все ниточки заговора так или иначе ведут в Антверпен.

— Может, и так... — задумчиво пробормотал Оболенский. — Но разве Третье отделение еще не начало расследование?..

— Скорее всего. — Я вновь пожал плечами. — Но у Багратиона изрядно связаны руки: Петербург слишком далеко. А от Страсбурга до Антверпена всего день пути на хорошей машине, и бельгийский король пока еще хранит нейтралитет — глупо будет не воспользоваться такой возможностью.

— То есть вы собираетесь лично?.. — Оболенский изловчился и поймал меня за рукав. — Это может быть опасно, князь!

— Сейчас что угодно может быть опасно, друг мой. И в тихой Бельгии меня уж точно убьют не раньше, чем здесь, в Страсбурге. — Я кивнул куда-то в сторону запада. — Там, за рекой, — рейх. И вряд ли герр канцлер станет долго терпеть, что какие-то ополченцы и два русских князя отобрали у него Эльзас и Лотарингию.

— Не сомневаюсь, — проворчал Оболенский. — Мы здесь буквально сидим на пороховой бочке... Но вы ведь не собираетесь выезжать в ближайшие дни? Думаю, нам обоим лучше остаться на прием, который герцогиня устраивает в честь освобождения Эльзаса.

— Прием? — Я на мгновение задумался. — Да, пожалуй, стоит задержаться. Если я сбегу с такого мероприятия, ее светлость меня не простит.

Глава 2

Музыка закончила играть — и тут же снова зазвучала, сменив ритм. С задорно-танцевального, подозрительно напоминающего что-то из рок-н-рольных хитов прошлого года, на умеренный. Не вальс, не менуэт — явно попроще, предназначенное то ли уделить должное внимание шампанскому и закускам, то ли просто расслабленно потоптаться по залу, обнимая партнершу за талию... или чуть пониже.

Герцогиня не поскупилась привезти модный оркестр аж из Женевы, угощения готовили лучшие повара Эльзаса, да и пышные наряды дам явно намекали на столичную моду, а не на провинциальных портных и модисток. Местная аристократия пыжилась изо всех сил, пытаясь перещеголять гостей из Парижа, — и те не оставались в долгу.

Всего в нескольких километрах за Рейном начинались земли германского рейха, и даже ощетинившиеся орудийными стволами укрепления не казались достаточно надежной защитой. Река фактически превратилась в линию фронта. Пока что затихшего... но надолго ли?

И все же местная знать сегодня гуляла — от всей широты французской души. Умом я понимал, что этот прием ничуть не менее важен, чем штурм Страсбурга... а в чем-то, пожалуй, даже важнее. Герцогиня

разослала приглашения всем, чье имя в Лотарингии и Эльзасе имело хоть какой-то вес. Отказ посетить бал-маскарад по неписаным правилам мог быть приравнен к измене роду де Водемон и французской короне. А согласие автоматически превращало вчерашних подданных рейха в предателей, которые в случае появления в Страсбурге армии канцлера рисковали не только титулом или богатством, но и головой. Наверняка многие явились во дворец с тяжелыми мыслями — и тем старательнее отплясывали, пытаясь изобразить несуществующее веселье.

Меня как подданного российской короны все это едва ли касалось. Музыканты знали свое дело, угощения оказались выше всяких похвал. Кавалеры были учтивы и остроумны, дамы — загадочны и прекрасны. Но я никак не мог отделаться от ощущения, что сегодняшний вечер едва ли закончится так же спокойно, как начался.

И что моя судьба непременно выкинет коленце и свернет невесть куда... в очередной раз.

Чем-то это все напоминало прошлую зиму: премьеру новой серии «бондианы», которая закончилась взрывом. Сегодня у шпионов Каприви появился шанс прихлопнуть весь цвет эльзасской и лотарингской знати вместе с приглашенными офицерами из Парижа одной удачно заложенной бомбой.

Имея возможности германского канцлера, я бы поступил именно так — поэтому и занимался безопасностью дворца лично, гоня местных осведомителей, полицию и вояк чуть ли не трое суток без перерыва. Защитные и сторожевые плетения охраняли каждую щель, ведущую в бывшую резиденцию герра штат-

гальтера, надежные люди дежурили на каждом углу, а все подступы надежно прикрывали вооруженные до зубов караульные. Бальный зал и все восточное крыло проверили трижды. Каждого из приглашенных я запомнил поименно — и уже отметил, хоть гости и скрывали лица под вычурными масками.

Взрыва или налета головорезов с «глушилкой», пожалуй, и правда не стоило опасаться. Поэтому собственная тревога с каждым мгновением казалась мне все более нелепой и бесосновательной... но уходить все равно не спешила.

Я удрал от какой-то сверх меры болтливой дамочки из Парижа под предлогом голода — и устроился у стола с закусками, в очередной раз во все глаза разглядывая народ в зале. А заодно и окна, оркестр, лакеев, охрану у каждой двери, паркет, мебель, потолок, контуры охранных заклятий... В общем — все и сразу. Будто бы где-то здесь, среди цветасто-роскошной круговерти мог скрываться если не ответ, то хотя бы подсказка. Некое предупреждение, знак, способный пролить немного света на грядущее.

Но знак упорно прятался — или его не было вовсе, и я изводил себя без толку. Чутье Одаренного непременно дало бы знать о прямой угрозе, а это... скорее просто беспокоило. И раздражало — даже больше, чем дурацкая полумаска, которую я бы с искренним удовольствием вышвырнул.

— Добрый вечер, мсье Волк. Вижу, вы не танцуете.

Фигура в узком черном платье с открытыми плечами отделилась от цветастой высокородной толпы и направилась ко мне. Конечно же, я сразу узнал герцогиню, хоть украшенная жемчугом и золотом маска